

Амирхан Еники

123

Письма Мусы Джалиля*

Мне казалось, что неожиданные находки попадают лишь землекопам и тем, кто разбирает старые дома. Но вот я и сам оказался обладателем ценной находки. Совсем недавно (в минувшем году) довелось мне перебирать бумаги в одной из папок, к которой не прикасался лет 50, и совсем случайно обнаружил четыре письма и записку Мусы Джалиля. (Если бы не пришлось искать один документ, нужный для «Последней книги», я и теперь не удосужился бы разобрать эту папку, и она, возможно, так и осталась бы нетронутой.)

Я был поражён, даже глазам не поверил, а когда прочитал, почувствовал себя виноватым перед Мусой. Совсем забыл, что у меня есть его письма! Вот и доверься памяти! Правда, минуло более полувека со дня их написания,

что только не пережил я за это время – неудивительно, что и забылось.

И всё же я вдумываюсь и стараюсь хотя бы для себя уяснить, почему они оказались «забыты». Не секрет, когда Муса Джалиль стал широкоизвестным, храбрых задним числом, как говорится, немало нашлось – резко возросло количество друзей и близко знавших его людей. Я тоже был знаком с Мусой, но не спешил войти в число «близких друзей»... Конечно, Мусу знали многие, достаточно было у него друзей и приятелей (например, таких, как Ахмет Файзи, Гази Кашшаф), но, по-моему, дружба – особенно истинная дружба – понятие особое, она может быть лишь взаимной, тут недостаточно одностороннего утверждения. А какими были наши отношения, можно ли их назвать настоящей дружбой – особенно после того, как слава

* Этот материал предоставила редакции «КА» дочь А.Еники – Резеда Амирхановна.

о Мусе разошлась на весь мир?.. Я хочу быть максимально объективным. Вспоминаю годы, ушедшие в далёкое прошлое: Муса в Москве, я в Казани; наши встречи случались лишь тогда, когда он приезжал в Казань. Впервые мы с ним встретились, если не ошибаюсь, осенью 1928 года. Муса Джалиль всякий раз, когда приезжал в Казань, останавливался у Ченекая, а я частенько навещал этого поэта, одинокого тогда человека. У Ченекая мы с Мусой и познакомились. Помню, сразу понравились друг другу, быстро сблизились. Отношения у нас всегда были дружескими, мы охотно и подолгу беседовали. Муса был скромным парнем, к людям он относился ровно и естественно. Вот эта простота, по видимому, и привлекала меня.

Ещё помню: в один из приездов Мусы в Казань мы с разрешения хозяев квартиры, где я жил, устроили в большом зале молодёжный вечер. Собрались поэты, писатели, молодые артис-

тки. Вскладчину, по мере возможности, организовали застолье. Горячительных напитков не было (нам и в голову не приходила мысль о спиртном), зато вечер украсили песни, музыка, стихи! В другой раз, когда Муса приехал, мы сфотографировались группой в 4–5 человек – этот снимок впоследствии вошел в альбом Мусы.

Эти замечательные встречи с Мусой продолжались до 1934 года. Но потом они, можно сказать, прекратились, потому что Муса, поступив работать в Московскую оперную студию, стал крайне редко наведываться в Казань. А через год-другой мне самому пришлось уехать в Азербайджан. Когда же осенью 1939 года Муса насовсем возвратился в Казань и наши отношения могли бы возобновиться, я снова уехал. Теперь уже в Узбекистан. И хотя в первые дни войны я вернулся на родину, встретить Мусу почему-то не смог: по видимому, он успел покинуть город. А вскоре и я был мобилизован и отправлен на фронт.

Таким образом, наша связь с Мусой была прервана. Возможно, поэтому я и не осмелился считать себя его другом и, очевидно, в этом кроется причина того, что долго не вспоминал о письмах.

К счастью, письма сохранились и нашлись – пусть и через 50 лет. Теперь и вы с ними познакомитесь. Не буду заранее комментировать: прочитавший их сам многое поймёт и представит себе, какова была степень нашей близости, хочу только сразу пояснить один момент. Муса каждое письмо начинает с обращения «Амир!». Возникает вопрос: почему Амир, а не Амирхан? А дело вот в чём: с мальчишеских лет я для всех – соседей, товарищей по учебе, друзей – был Амиром (полным именем называли меня только родители), и по приезде в Казань мои близкие и друзья стали звать меня так же. Этим же сокращенным именем называл меня и Муса в своих письмах.

Примечания

1. Муса Джалиль во втором своём письме упоминает Наки Исанбета – вроде бы велит мне брать с него пример. В чём тут дело? В нашумевшем в те годы «джидегенстве» обвинялся и Наки Исанбет. Хотя эти обвинения были совершенно беспочвенны, вымышлены, он вынужден был временно расстаться с литературой.

В те годы Наки-абзый по своей воле оставил учительство и поступил черно-рабочим на фабрику «Спартак». По его словам, сначала он трудился с метлой и лопатой в руках – подметал двор фабрики... Но, несмотря ни на что, продолжал творческую деятельность и как раз в период работы на фабрике создал трагедию «Спартак» из истории Древнего Рима. Как видно из письма, Муса был хорошо осведомлён об Исанбете и одобчительно относился к его поступкам.

2. Почти в каждом письме Муса заводит разговор о пошиве зимнего пальто. Действительно, жизнь в те годы была трудная. Как видите, он даже в Москве не мог найти себе зимнюю одежду. Я, конечно, по мере сил старался выполнить его просьбу. Сшить для него шубу на меховой фабрике я не мог: на той фабрике, где я одно время работал, меховую одежду не шили. Был

единственный выход: купить с рук материал и заказать пальто у частного мастера. К сожалению, мои письма Мусе на эту тему не сохранились, а я теперь, через столько лет, уже и не вспомню, у кого и из какого материала заказал для него пальто. По словам Амины-ханум, в 1934 году на Мусе было новое пальто из чёрного сукна с каракулевым воротником. Должно быть, именно то, что сшили в Казани.

...Как-то, давно уже, пригласили меня в одну из школ – рассказать о Мусе. Пошёл, рассказал коротенько, что знал. И вот задают мне ученики вопрос:

– В чём кроется причина героизма Мусы Джалиля?

Я задумался. Как ответить? Сказать, что в основе его героизма лежит преданность Родине, верность своему народу – эти правильные слова они наверняка слышали не раз... Хотелось затронуть личностные качества Мусы. И я сказал так:

– Муса прежде всего был поэт, то есть гуманист по призванию, человек огромного великодушия, сострадания к людям. И он, конечно же, не мог мириться с жестокостью и насилием – в этом, мне кажется, скрыты истоки его героизма.

Предлагаемые письма, думаю, подтвердят эту мысль.

Первое письмо

Амир! Я собирался написать тебе, как только вернусь домой, да протянул вот до сего дня: всё дела, дела. Но ничего! Если ты сам не станешь задерживать с ответом, я буду писать регулярно.

В письме прочтёшь главным образом о том, что тебя, конечно же, интересует: о жизни писателей. Я ведь говорил: при комиссии национальных меньшинств Московского оргкомитета образована группа татарских писателей. В бюро избрали Шамиля, Тулумбая и меня. Но бюро ещё не приступало к своим обязанностям. На сотрудничество с Тулумбаем я не возлагаю особых надежд. Трудно с ним будет.

У нас входит в традицию (правда, по инициативе газеты «Коммунист» и самих поэтов, а не нашего бюро) устройство вечеров поэзии. Позавчера читали и обсуждали стихи А.Фаиза. Будут вечера и других поэтов. Организовано

жюри конкурса на лучший перевод «Интернационала» на татарский язык. Вся работа на мне. Жюри должно управиться с 15/1 по 1/2. Завтра состоится обширное совещание писателей нацменьшинств. Послушаем доклад издателей. Идет подготовка к вечеру татарской литературы в масштабе всей Москвы. Не знаю, как получится...

Так что дела идут потихоньку. Писатели пишут. Живём в ладу, внимательно следим за творчеством друг друга.

Я по-прежнему в «Октябрь баласы»*. Хотя в целом у журнала дела неплохи, литературные силы, к сожалению, участия не принимают. Амир! Давай-ка напиши рассказ! Я – серьёзно, очень прошу тебя. Напиши для детворы! Большое бы дело сделал. Красиво оформим, а? Жду.

Пиши. Адрес (редакции): Москва, центр. Новая площадь, д.6/8. Издательство «Молодая гвардия», редакция «Октябрь баласы» (лично).

До свидания! Муса.
28/XI-32 г. Пиши!

126

Э, погоди-ка, Амир!

Совсем забыл: у меня к тебе небольшая просьба. Ченекей говорил, что у тебя хорошая связь с меховщиками. А ведь я остался на зиму без пальто, брат! Если ты мне друг и хочешь помочь, не окажешь ли одну услугу: не сумеешь ли заказать для меня пальто из какого-нибудь меха, как вон у тебя (и верх, и подкладка – из хорошего меха)? Ценой бы так рублей в 300–400, но главное, чтоб красиво было и добротно. Пожалуйста, сделай, если это в твоих силах!

Муса

Второе письмо

Амир!

Письмо твоё получил. Огромную радость доставил ты мне уже тем, что ответил быстро, без промедления. Вторично обрадовался я, когда прочитал письмо: оказывается, ты успел уж и просьбу мою выполнить.

Спасибо, огромное тебе спасибо! Благодарю и за письмо, и за то, что выполнил (пообещал выполнить) мою просьбу!

Сперва о деле.

Я полностью разделяю твой план. Ты же знаешь, у меня нет путной одежды. Только бы вышло, как планируешь! Раз, говоришь, и мех будет красив, я очень рад. И с ценой согласен. Мой размер – 46.

Только уж, пожалуйста, чтобы не осталось на словах! Давай-ка я действительно уже нынче обряжусь в это пальто. В начале января приеду в Казань, и мы покончим с этим, не так ли? Ты там всё подготовь, пусть пока шьётся! Как только понадобятся деньги, телеграфируй, я вышлю.

Об этом всё.

Теперь немного информации о московских писателях.

Сюда недавно приехал Г.Нигмати. Мы, татарские писатели-москвичи, собрались, чтобы послушать его доклад. Пришли все более или менее стоящие писатели, журналисты, общественные деятели. Народу было много.

Доклад Нигмати назывался «Об итогах пленума оргкомитета и работе среди советских писателей Татарстана», и в докладе было очень мало самокритики. Говорил совсем не как председатель оргкомитета, скорее как представитель науки. По докладу были долгие прения, так что собрание длилось

* «Октябрь баласы» (тат.) – «Дитя Октября».

часов 7–8. Я ведь бывал в Казани и видел, как там обстоят дела, поэтому и выступил смело. «В Казани, – говорю, – никаких перемен, ничего нового не ощущается, никакого сдвига в связи с решением ЦК партии, оргкомитет крайне пассивен, писателей не организует, материальной помощи не оказывает». Критиковал решительно. Фактов было предостаточно. Да и настроение казанских писателей я прочувствовал, так что мои слова никак нельзя было опровергнуть.

Я сказал, что оргкомитет не ищет особого подхода к отдельным писателям, чтобы привлечь, стимулировать их творчество, спланировать в коллектив. В связи с этим я упомянул и о тебе. «Почему, – говорю, – не привлекается, например, молодой талантливый писатель Еникиев?» Конечно, не ты один – упомянул я и об обособленной жизни и Туфана, и Фатыха Хусни, да и других.

Не один я критиковал. Крепко досталось оргкомитету и от Тулумбая, и от М.Максуда. Немало нового и интересного высказали и другие, затронув широкий спектр вопросов. Отличное получилось собрание. И для Нигмати это был хороший урок. Думаем, что по возвращении он таки возьмётся за дело. Много полезного было и для нас самих. Мы, московские писатели, получили зарядку для коллективной работы.

Была выбрана комиссия из трёх человек для составления резолюции: выбрали Тулумбая, Шамиля Усманова и меня. Следи за газетой «Коммунист». Там будут напечатаны сокращённый доклад на собрании и наша резолюция.

Теперь, дружок, тебе такой совет: не сторонись литературной жизни! Пиши и печатайся! Кончай с обидами на прошлое, адаптируйся с новыми условиями! Если из-за ошибок ТАПА в прошлом ты и был отодвинут в сторону, теперь это должно стать делом минувшим. Именно так велит партия.

Говорят же: «Дитя не плачет – мать не понимает». Если не писать, не ходить, не показываться, невозможно получить и должную оценку для себя, и внимание. Наки Исанбет вон не замыкается в обиде. Он пишет в обком, сочиняет стихи и несёт их в редакцию. Вот уж если и тогда будут отстранять, можно будет не только обижаться на оргкомитет и редакции, но и протестовать.

Так что действуй посмелее. Пиши, выходи в свет! Ты, безусловно, талантливый и острый писатель. Создаёшь красивые, изящные вещи.

Тут, видишь ли, пытаются ликвидировать отделение Татиздата. А ведь в этом году планировалось напечатать мой сборник. Теперь из-за этого задержка. Как выйдет в свет, я и тебе непременно вышлю экземпляр.

Шамиль Усманов, М.Максуд, Ерикей, Фаиз*, Крымов и другие живы-здоровы. Теперь чувствуется сплочение, коллективно обсуждаются проблемы творчества. На днях мы провели вечер, посвящённый творчеству Ахмета Фаиза – прошёл очень интересно и насыщенно.

Ладно, пиши! Рассуждать можно без конца. Вот приеду – посидим поговорим вволю. Я работаю в журнале. В «Октябрь баласы». Написал бы ты мне в журнал что-нибудь такое изящное, небольшое. В 33-м году с гонорарами будет хорошо. Да и сам журнал становится очень красивым! Ладно?

Пиши письмо на адрес этого журнала.

Большой привет твоей супруге. В прошлый приезд она славно угостила нас, такой был стол богатый, такие блюда. И приняла дружески, приветливо и внимательно. Так было приятно. За всё ещё и ещё раз спасибо!

До свидания.

Муса.

26/XII-32 г.

* Имеется в виду – Ахмет Фаизи.

Третье письмо

Амир!

Я скоро приеду в Казань. Редакция «Коммуниста» и татарские писатели Москвы выдвинули меня и Фаиза делегатами на пленум Казанского оргкомитета. Но мы с Фаизом работаем в одном журнале (с 1 января Ахмет Фаиз у меня секретарём). Оставить журнал сразу нам обоим никак нельзя. Мне обязательно самому надо просмотреть январский номер журнала. Фаиз ведь пока ещё новый человек! Январский номер уже с 20 декабря в производстве. Он задержался так потому лишь, что прохворал десять дней художник. Кажется, я смогу подписать номер и отправить в печать только числа 10–11-го. И потом, меня здесь мобилизовал на 15 дней райком партии. Так что в Казани я буду где-то 13–14 января. Проживу несколько дней и продолжу путь – на Урал. А по возвращении в Казань с Урала хочу с месяц поработать в Радиоцентре.

Получив твоё письмо, я уже написал один ответ. Ты получил его? Ответа на это письмо я ждать уже не стану: буду сам. Когда приеду, подробно расскажу, что тут у нас в Москве. Считаю своим долгом и самой желанной минутой встречу с тобой, когда мы сможем посидеть у тебя и наговориться всласть.

Заканчивая, напомним о своей просьбе. Хотя я собрался в дальний путь, одеться мало-мальски сносно не могу: здесь нет возможности. А может, и есть, да я сам такой непрактичный. Это свойство моего характера знает и Ченекей. Вот и хожу в чём попало. Ты уж как-нибудь выполни своё обещание. Очень надеюсь на тебя.

Не удастся ли сделать так, чтобы я оделся как только приеду? Заказал бы заранее. Деньги я до отъезда приготовлю.

Ладно. До свидания.

Остальное по приезде.

Большой привет супруге.

5/1-33 г.

Муса

Четвёртое письмо

Амир! Получив твоё письмо, я выслал телеграфом 350 рублей. Ты сам знаешь, на что эти деньги! А мне всё ещё не удаётся выехать в Казань. Основная причина – следующая: начиная с 1 января рассматривался вопрос о том, быть или не быть нашим журналам «Октябрь баласы» и «Ударниклар». Я не смог бросить журнал и уехать, пока вопрос не решился. К тому же до прояснения судьбы журналов невозможно было взять командировку. Теперь вопрос решён. Оба издания прекращены (объединяются с журналами Казани). Я хочу съездить в Казань на собственные деньги. Но до отъезда мне надо решить, где я буду в Казани работать. Во всяком случае ты уж сделай там шубу. Если и не в этом году, пригодится носить в будущем. У нас зима очень теплая, я продолжаю ходить в своём прежнем пальто. О получении денег напиши.

Ладно, пока, до свидания.

С приветом Муса.

16/2*

* Муса не обозначил год, но на почтовом штемпеле открытки указано: 16.2.33. – А.Е.

Амир!

И тебя очень хочу увидеть, и деньги очень нужны. Неожиданно я оказался в нелёгком положении. Кончились деньги. Уехать теперь не могу. Может, ты как мой ангел-хранитель спасёшь меня?

И в самом деле, если найдёшь деньги, было бы прекрасно.

С завтрашнего дня ежедневно с 4 до 5 жду тебя.

Мой адрес: улица Проломная. Казанское подворье, ком.24.

10/X-33 г.

Муса

Пояснение.

Эта записка написана в Казани. Она без конверта. Должно быть, Муса приходил ко мне и, не застав меня дома, оставил её. Слова «с завтрашнего дня... жду» тоже об этом говорят.

Переписано верно: А.Еники.

21/V-85 г.

от редакции

Эти письма были обнаружены Амирханом Еники в середине восьмидесятых годов прошлого века и тогда же были опубликованы на татарском языке. На русском языке публикуются впервые.

Современному читателю может показаться странным, что Муса Джалиль, будучи в те годы уже известным поэтом и главным редактором выходившего в Москве единственного татарского детского журнала, не имел зимнего пальто и остро нуждался в деньгах.

Амина-ханум рассказывала, что и позднее, получив маленькую одиннадцатиметровую комнатку в коммунальной квартире в Столешниковом переулке, Муса долго не мог обставить её какой-никакой мебелью. Спал на полу, на газетных подшивках, положив под голову те же подшивки. Но поэт не придавал этому значения и целиком был поглощён своим творчеством и участием в литературной и общественной жизни. Примечательно также, что Муса рано разглядел талант молодого Амирхана Еники и всемерно поддерживал его в творческих исканиях. Как позднее писал сам Еники, поддержка Мусы Джалиля помогла ему обрести веру в себя. Тем более что многие в те годы считали его чуть ли не классово чуждым элементом и в середине тридцатых годов он был вынужден отойти от литературы и скитаться за пределами своей республики.